

УДК 821.111
ББК 83.3(7)
У 37

Lisa Wingate
BEFORE WE WERE YOURS

Перевела с английского
Анастасия Лазарева

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Алексей Вайнер

Уингейт Л.

УЗ7 Пока мы были не с вами: [роман] / Лиза Уингейт; [пер. с англ. А. Лазаревой] — СПб.: Аркадия, 2018. — 496 с. — (Серия «Memory»).

ISBN 978-5-906986-66-5

Между успешной дочерью сенатора Эвери Стаффорд и девочкой-подростком из бедной многодетной семьи «речных крыс» Рилл Фосс — бездна пространства и времени и тысячи ступенек социальной лестницы. Однако судьбы их тесно переплетены, но чтобы выяснить это, Эвери придется провести настоящее расследование: много лет назад ее прадед прибегнул к помощи преступников из «Общества детских домов Теннесси», похищавших детей из бедных семей и продававших их в богатые.

Основанный на реальных трагических событиях прошлого века роман американской журналистки и писательницы Лизы Уингейт вызвал огромный резонанс: он стал бестселлером и был удостоен нескольких престижных премий.

УДК 821.111

ББК 83.3(7)

© Wingate Media, LLC, 2017

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ISBN 978-5-906986-66-5

ООО «Издательство Аркадия», 2018

*Посвящается сотням тех, кто исчез,
и тысячам тех, кто выжил.*

Пусть ваши судьбы не будут забыты.

*Посвящается тем, кто сейчас
помогает сиротам найти дом, где они
проживут всю жизнь.*

*Всегда помните о ценности вашей
работы и вашей любви.*

Знаете ли вы, что в нашей стране свободных и родине храбрых существует огромный рынок детей? И ценности, что переходят на нем из рук в руки... не просто печатные бумажки, которые обещают определенную прибыль, но живые, брыкающиеся младенцы из плоти и крови.

*Из статьи «Рынок детей» в журнале
The Saturday Evening Post от 1 февраля
1930 года*

Она [Джорджия Танн] постоянно повторяла, что дети — это чистые листы. Они рождаются непорочными, и если вы примете их в семью в раннем возрасте и окружите красотой и культурой, они станут такими, какими вы пожелаете их видеть.

*Барбара Бисанц Реймонд.
Похитительница детей*

Пролог

Балтимор, Мэриленд 3 августа 1939 года

Моя история начинается душным августовским вечером в месте, которое я никогда не увижу — оно возникает только в воображении. Чаще всего я представляю себе большую комнату. Стены белые и чистые, постельное белье накрахмалено так сильно, что хрустит, как сухой лист. Это отдельная палата, все в ней самого лучшего качества. Снаружи стихает ветер, цикады стрекочут в листве высоких деревьев — своих зеленых укрытий — прямо под окнами. Вентилятор трещит под потолком, пытаюсь разогнать неподвижный влажный воздух, и затягивает внутрь комнаты шторы.

Из открытого окна веет ароматом сосновой хвои, а с постели рвутся сдавленные крики роженицы, которую с трудом удерживают медсестры. Ее лицо залито потом, он струится по рукам и ногам. Она ужаснулась бы, если бы увидела себя сейчас.

Она хорошенькая. У нее нежная, хрупкая душа. Она не из тех, кто стал бы намеренно менять ход событий — а начало этому положено прямо сейчас, — даже если те в дальнейшем приведут к катастрофическому финалу. За свою долгую жизнь я поняла, что большинство людей не желает зла другим. Они

не хотят никого обидеть, а просто стараются выжить. Но борьба за выживание иногда имеет трагические последствия.

Она не виновата в том, что случится после последнего безжалостного толчка. Она бы все отдала, чтобы этого не произошло. Но из ее чрева выходит немая плоть — крохотная, светловолосая девочка, красивая, как куколка, но синяя, недвижимая.

Женщина не ведает о судьбе своего младенца, однако даже если бы она знала, что произошло, лекарства притупят ее воспоминания и уже завтра они станут не более чем туманным сном. Она перестает биться в схватках и погружается в полудрему, убаюканная дозами морфия и скополамина, которые ей ввели, чтобы облегчить боль.

Чтобы помочь преодолеть все, что выпало на ее долю. Что же, она справится.

Врачи накладывают швы, медсестры убираются в палате и сочувственно переговариваются между собой.

— Какая жалость! Несправедливо, что новой жизни в этом мире не дано было сделать ни единого вдоха.

— Порой задаешься вопросом... почему так случается... особенно когда ребенок настолько желанный...

Опускается покров. Крохотные глазки закрываются. Они никогда не увидят дневного света.

Уши женщины улавливают слова, но разум отказывается воспринимать услышанное. Смысл ускользает от нее. Она будто пытается поймать волну, но вода просачивается сквозь плотно сжатые пальцы. В конце концов роженица уплывает вместе с ней.

Неподалеку от нее застыл в ожидании мужчина — возможно, в коридоре прямо за дверью. Он статный, полный достоинства. Он не привык чувствовать себя

беспомощным, как сейчас. Сегодня он должен был стать дедушкой.

Ожидание чуда переплавилось в мучительную боль.

— Сэр, примите мои глубочайшие соболезнования, — произносит врач, выскальзывая из палаты. — Будьте уверены, мы сделали все возможное, чтобы облегчить роды вашей дочери и спасти малыша. Я понимаю, как это тяжело. Прошу вас, передайте наши соболезнования отцу ребенка, когда сможете связаться с ним через океан. После стольких разочарований ваша семья, должно быть, возлагала большие надежды...

— Она еще сможет иметь детей?

— Это было бы нежелательно.

— Это убьет ее... И ее мать, когда та узнает. Знаете, Кристина — наше единственное дитя. Топот маленьких ножек... начало нового поколения...

— Я понимаю, сэр.

— Чем она рискует, если...

— Своей жизнью. Крайне маловероятно, что ваша дочь сможет выносить следующего ребенка до положенного срока. Если она попытается, то в результате...

— Понимаю.

В моем воображении доктор в попытке утешения кладет руку на плечо убитого горем мужчины. Их взгляды встречаются.

Врач оглядывается через плечо, чтобы убедиться, что медсестры их не слышат.

— Сэр, могу я вам кое-что предложить? — тихо и серьезно произносит он. — Я знаю одну женщину в Мемфисе...

Глава первая

Эвери Стаффорд. Айкен, Южная Каролина. Наши дни

Когда лимузин тормозит на раскаленном асфальте, я перевожу дух, сдвигаюсь к краю сиденья и поправляю пиджак. На обочине, подчеркивая важность на первый взгляд безобидной утренней встречи, ожидают набитые журналистами фургоны.

Впрочем, ни одно событие этого дня не случайно. Последние два месяца, которые я провела дома, в Южной Каролине, ушли на проработку мельчайших деталей; теперь, чтобы сделать правильный вывод, достаточно намека.

Но окончательных заявлений не будет. По крайней мере, пока. Надеюсь, если я поведу себя верно, вскоре все будет решено.

Мне хотелось бы забыть причину, по которой я вернулась домой, но даже то, что отец не читает свои записи и не советуется по поводу брифинга с Лесли, своим сверхэффективным пресс-секретарем, настойчиво напоминает о ней. От врага, который безмолвно едет вместе с нами, не убежать. Он здесь, на заднем сиденье, прячется под серым костюмом классического покроя, который чуть свободнее, чем следует, висит на широких плечах моего отца.

Папа смотрит в окно, склонив голову набок. Он отправил помощников и Лесли в другую машину.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — я протягиваю руку и убираю с сиденья длинный светлый волос — свой волос, — чтобы он не зацепился за брюки отца, когда тот будет выходить из машины. Мама, если бы она поехала с нами, уже всю орудовала бы щеткой, но ей пришлось остаться дома и готовиться ко второму сегодняшнему мероприятию — семейной рождественской фотосессии, которую решено провести за несколько месяцев до Рождества... на случай, если состояние папы ухудшится.

Он садится прямее, поднимает голову. Его густые седые волосы стоят торчком из-за статического электричества. Мне хочется их пригладить, но я не стану этого делать. Нарушать протокол ни к чему.

У всех своя роль. Мама принимает непосредственное участие в мельчайших аспектах нашей жизни, беспокоится из-за волосков на одежде и планирует семейную рождественскую фотосессию в июле, папа — ее полная противоположность. Он сдержанный — островок стойкости и мужества в семье, полной женщин. Я знаю, что он очень любит маму, моих сестер и меня, но редко выставляет чувства напоказ. Еще знаю, что я — не только его любимица, но и ребенок, который больше всего сбивает его с толку. Отец — продукт той эпохи, когда девушки ходили в колледж лишь для того, чтобы удачно выйти замуж. Он не совсем понимает, что делать с тридцатилетней дочерью, которая с отличием закончила факультет права Колумбийского университета и чувствует себя как рыба в воде в почти лишенной кислорода атмосфере федеральной прокуратуры США.

Не важно, по какой причине — возможно, только потому, что роли «идеальной дочери» и «милашки» в нашей семье были уже заняты, — я избрала амплуа «умница».

Я любила учиться и по общему молчаливому согласию должна была стать знаменосцем нашей семьи, заменить сына, повторить успех отца. Но мне как-то всегда думалось, что, когда придет пора, я буду старше, успею подготовиться.

А сейчас я смотрю на отца и урезониваю себя: «Эвери, прекрати сейчас же! Подумай, ведь ради этого он работал всю жизнь. Вспомни — к этому стремились поколения Стаффордов со времен Американской революции!»

Наша семья всегда крепко держалась за рычаги управления государственной власти. Папа не исключение. Отставной военный летчик — школу в Вест-Пойнте закончил еще до моего рождения, — он всегда уверенно и с достоинством поддерживал высокую репутацию нашей семьи.

«Конечно, ты этого хочешь, — решительно напоминаю я себе. — Всегда хотела. Только не ожидала, что это случится так скоро и таким образом. Вот и все».

Но в глубине души я всеми руками и ногами за самый лучший исход: победу над врагами на обоих фронтах — политическом и медицинском. Отца вылечат с помощью операции, из-за которой ему пришлось сократить время пребывания на летней сессии Конгресса, и помпы с препаратами для химиотерапии, которую ему придется пристегивать к ноге каждые три недели. Мой переезд в Айкен окажется временным.

Рак исчезнет из нашей жизни.

Разумеется, его можно победить. Раз у других людей получается справиться с ним, значит, сенатор Уэллс Стаффорд точно его одолеет.

Нет на свете человека сильнее и лучше, чем мой папа.

— Готова? — спрашивает он, поправляя костюм.

Я с облегчением вижу, как он приглаживает хохолок на волосах. Я не готова превратиться из дочки в сиделку. Еще не готова.

— Иду сразу за тобой.

Я сделаю ради него все, что угодно, но, надеюсь, пройдет еще много лет, прежде чем мне придется из ребенка превратиться в родителя. Я поняла, насколько это тяжело, когда увидела, как папа пытается принять решение за свою мать.

Когда-то моя бабушка Джуди отличалась острым умом и веселым нравом, но сейчас она казалась тенью себя прежней. Несмотря на страдания, которые ее состояние приносило нашей семье, папа никому не мог о нем рассказать. Если в прессу просочится хотя бы намек на то, что мы отправили мать сенатора в дом престарелых, да еще и в заведение высшего класса, которое располагается в замечательной усадьбе в десяти милях отсюда, сложится абсолютно проигрышная с политической точки зрения ситуация. Из-за скандала, который разгорается в нашем штате вокруг принадлежащих крупным корпорациям учреждений по уходу за стариками, где произошла череда насильственных смертей и отмечены случаи плохого обращения с подопечными, политические противники отца либо акцентируют внимание на том, что только толстосумы могут позволить себе приличный уход за родными, либо назовут отца бессердечным скотом, которого не заботят проблемы пожилых людей, ведь он даже родную мать запихнул в дом престарелых. Они скажут, что сенатор с легкостью закроет глаза на нужды незащитных граждан, если это пойдет на пользу его друзьям и спонсорам избирательной кампании.

На самом же деле решение, которое папа принял насчет бабушки Джуди, никоим образом не относится к политике. Мы, как и любая обычная семья, столкнулись с ситуацией, когда любой возможный исход вымощен болью, выстлан виной и запятнан позором. Нам было неловко за бабушку Джуди. Мы боялись за нее. У нас сердце кровью обливалось, когда мы представляли, чем может закончиться ее мучительное погружение в деменцию. Перед тем как мы отправили ее в дом престарелых, она сбежала от сиделки и домашних слуг, наняла такси и пропала на целый день. Когда ее наконец нашли, она бродила по деловому комплексу, который когда-то был ее любимым торговым центром. Как она сумела это проверить, если ей не под силу вспомнить наши имена, остается загадкой.

Этим утром на мне одно из ее любимых украшений. Я смутно ощущаю его на запястье, когда выскальзываю из лимузина. Я делаю вид, что выбрала браслет со стрелкой в честь бабушки, но на самом деле он безмолвно напоминает мне, что женщины семьи Стаффорд всегда делали то, что велит им долг, даже вопреки своему желанию. В месте проведения сегодняшнего мероприятия мне неудобно. Я никогда не любила дома престарелых.

«Это всего лишь встреча с избирателями, — напоминаю я себе. — Пресса здесь не для того, чтобы задавать вопросы, — она всего лишь освещает событие». Мыжимаем руки, проходим по зданию и присоединяемся к его жильцам на торжестве в честь дня рождения женщины, которой исполняется сто лет. Ее мужу девяносто девять. Такое событие и впрямь достойно праздника.

В коридоре пахнет так, будто кто-то выпустил сюда без надзора тройняшек моей сестры, снабдив их баллончиками дезинфицирующего средства. Воздух наполнен